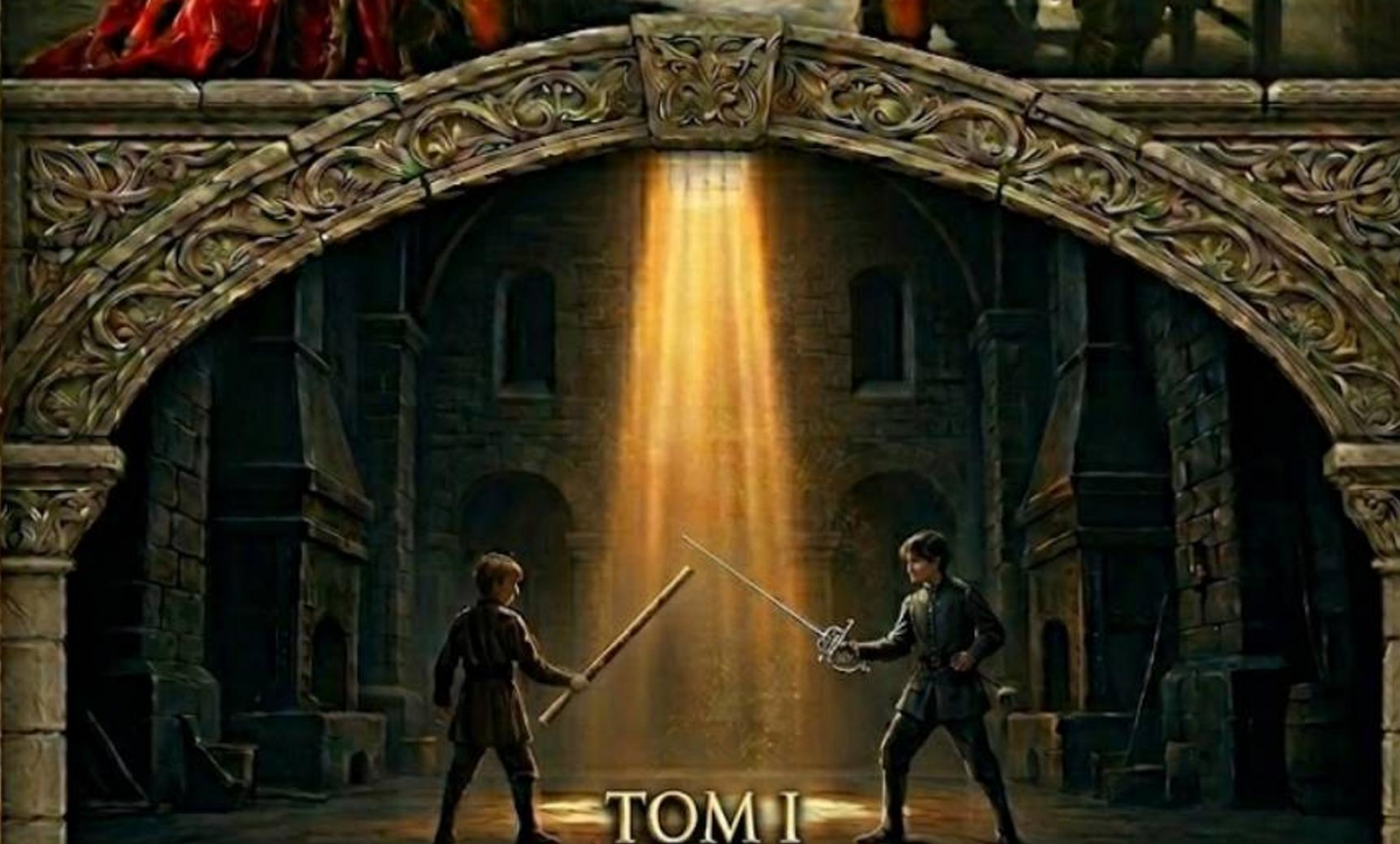

«А КОРОЛИ В ШАХМАТЫ ИГРАЛИ»

ТОМ I

КУЗНИЦА ЧЕСТИ

МИХАИЛ ВЛАДИМИРОВИЧ САЛТЫКОВ

Михаил Салтыков

**А короли в шахматы играли.
Кузница Чести. (Том 1)**

«Автор»

2026

Салтыков М. В.

А короли в шахматы играли. Кузница Чести. (Том 1) /
М. В. Салтыков — «Автор», 2026

Десятилетний Лео нашёл себе мечту. Он захотел стать королём. Королём улицы. Он её почти достиг. Но мечту у него отняли. Сможет ли Лео жить без мечты? Станет ли "Кузница" старого Мастера его домом? Станет ли Академия Чести его новой мечтой? Одно точно — враги о нём не забудут. И хотя на занятиях он пользуется тренировочной рапирой, носить ножны с настоящей ему придётся всегда. Он уже не ищет приключений, но приключения сами находят его.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	11
Глава 5	12
Глава 6	13
Глава 7	15
Глава 8	17
Глава 9	19
Глава 10	20
Глава 11	22
Глава 12	24
Глава 13	26
Глава 14	28
Глава 15	30
Глава 16	33
Глава 17	35
Глава 18	37
Г	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Михаил Салтыков

А короли в шахматы играли. Кузница Чести. (Том 1)

Глава 1

Холодный камень мостовой врезался в колени. Лео сидел на земле, сжимая в ладони глиняную свистульку. Это было единственное, что мать успела ему оставить. Она купила её за месяц до того, как слегла. "Чтобы ты не забывал, что в мире есть место для радости", — сказала она тогда. Лео почти не расставался со свистулькой с тех пор, как её не стало.

Полгода назад ему исполнилось десять. Рубаха на нём была штопаная-перештопаная, с чужого плеча, но чистая. Мать учила его следить за собой, и он это помнил. Тёмные волосы были кое-как обкромсаны. В приюте старались постричь побыстрее, а не поаккуратнее.

Над ним, усмехаясь, стоял Марк, сын каменщика, на голову выше и заметно шире в плечах. В руке Марка была толстая, удобно лежащая в ладони палка.

— Ну что, крысёныш? — хрипло спросил Марк. — Опять пищишь?

Он выхватил свистульку из руки Лео. Лео рванулся, но было поздно. Свистулька теперь была в грязных пальцах Марка.

— Отдай! — крикнул Лео, вскакивая.

Марк засмеялся и раздавил свистульку сапогом. Глина хрустнула и разлетелась осколками.

Лео замер. Он смотрел на осколки и видел мать, помня, как она улыбалась, протягивая ему эту вещицу. "Чтобы ты не забывал..."

Теперь не осталось ничего.

Гнев поднялся в Лео. Не страх перед побоями — их он знал. Лео вскочил. Слезы жгли глаза.

— Подними! — выдохнул он. Голос дрожал, но звучал неожиданно твердо.

Марк фыркнул.

— Или что? Опять запоешь?

Взгляд Лео упал на валявшуюся рядом тонкую, гибкую тростинку. Это был обломок старого удилица. Он, не думая, схватил её.

— Или... или я проведу черту, — сказал Лео, проводя кончиком тростинки линию на пыльном камне между собой и Марком. Голос всё ещё дрожал, но в нём появилась странная уверенность. — Переступишь — ответишь.

Марк замер, удивленный. Потом громко расхохотался.

— Ответишь? Ты? Этой соломинкой? Да я тебя...

Марк шагнул вперёд, через черту. Сапог стёр линию. Он занёс дубину над головой. Лео увидел, как напряглись мышцы на его предплечье, как дубина замерла в высшей точке, готовая обрушиться вниз.

Лео не помнил, что было дальше. Тело сжалось и дернулось само. Дубина в руке Марка уже нависла над ним. Локоть был ближе всего. Туда он и ткнул. Кончик тростинки ударил в то место на предплечье Марка, где мышца переходит в сухожилие.

Щелчок был тихим, Лео его еле услышал.

Рука Марка дёрнулась, будто её пронзило иглой. Дубина выпала из ослабевших пальцев, глухо стукнула о камень. Марк схватился за предплечье, глядя на него с недоумением, потом

перевёл взгляд на Лео. Вместо боли в глазах читался лишь страх. Страх перед тем, что этот мальчишка с тростинкой только что сделал.

— Ты... — выдохнул он.

Лео стоял, тяжело дыша. Тростинка дрожала в руке. Он смотрел на Марка и не верил, что это он, Лео, заставил его отступить.

Марк попятился, споткнулся, бормоча ругательства, и скрылся в переулке.

Лео опустил тростинку. Дрожь накрыла его с головой. Живот свело не от голода, а из-за резкого спада напряжения и ощущения пустоты внутри.

Он подошёл к осколкам свистульки, опустился на колени, осторожно собрал их в ладонь. Горечь и боль остались. Но вместе с ними появилось новое, незнакомое чувство.

На той стороне площади, в тени арки, кто-то стоял. Лео краем глаза заметил высокую худую фигуру в плаще. Старик смотрел в его сторону. Правая рука лежала на эфесе рапиры. Левая была спрятана под плащом. Он повернулся и ушёл.

Дрожь всё не проходила. Лео сунул осколки в карман и побрёл прочь. Нужно было успеть на вечернюю раздачу еды. Обычно там давали хлеб и похлёбку.

Глава 2

Дождь стучал по дранке заброшенного сарая. Внутри пахло прелой соломой и мышами. Сквозь щели в стенах пробивался серый свет, и Лео видел, как капли падают в лужи снаружи.

В руках он сжимал уже не просто тростинку. Это был крепкий, прямой прут орешника, длиной немногим меньше половины его роста.

Он нашёл этот прут у реки ещё весной. Кончик он закалил в тлеющих углях костра, пока тот не почернел и не затвердел. Рукоять обмотал обрывками старой верёвки, чтобы ладонь не скользила. Он назвал его Жало.

Стена сарая была испещрена меловыми крестами. Лео стоял в двух шагах от неё, держа в руке Жало. Всё его внимание было сосредоточено на одном движении — коротком, резком выпаде. Точный, колющий. Цель — крестик на стене. Каждый раз разный. Он повторял его снова и снова, до боли в мышцах плеча, до онемения пальцев. Вдох, шаг, выпад. Выдох, отход. И снова. Он оттачивал одно, чтобы в нужный момент рука сама знала, куда бить. Как тогда, с Марком. В нерв. В сустав. Туда, где боль парализует.

Прошло полгода. Лео больше не промахивался мимо меловых крестов на стене. Рука запомнила движение. Пришло время мести. Цель была выбрана: Бенн. Не главный обидчик, но один из тех, кто смеялся над ним громче всех. Бенн, который пнул его сапогом, когда Лео упал.

Бенн каждый вечер шёл один по переулку за пекарней, неся домой тёплый каравай для семьи.

Лео ждал в тени старого тополя. Дождь давно кончился, но ветки ещё капали за шиворот. Он не двигался. Смотрел на угол переулка, откуда должен был появиться Бенн.

Сердце колотилось не от страха, а от непривычного возбуждения. Вот и Бенн, закутанный в плащ, с корзиной под мышкой. Лео шагнул навстречу, перекрыв путь. Бенн остановился, удивленный.

– Лео? Проходи, не мешай, – буркнул он, пытаясь обойти.

– Помнишь твои насмешки? – голос Лео звучал ровнее, чем он ожидал. – И твой сапог? Бенн нахмурился, потом усмехнулся.

– О, опять ноешь? Отвали, крысёныш...

Гнев, знакомый и жгучий, ударил в виски. Лео сжал зубы, заставляя себя не сорваться и действовать точно. Он подвинулся, отрезая Бенну путь к отступлению. Жало, до этого скрытое за спиной, легким движением оказалось в позиции.

Бенн фыркнул. Он поставил корзину и поднял сжатые кулаки.

– Хочешь получить?! – он сделал шаг вперед, нанося удар.

Лео резко пригнулся и сделал выпад. Короткое, резкое движение, отработанное сотни раз. Кончик Жала метнулся в точку чуть выше локтя Бенна.

Бенн вскрикнул от неожиданности. Резкая боль пронзила руку, тут же сменившись онемением. Он схватился за предплечье, глаза его округлились. Бенн смотрел не на Лео, а на это странное, целящееся в него острие.

Бенн, бормоча что-то невнятное, судорожно нагнулся, схватил корзину левой рукой. Он метнулся в сторону и почти бегом скрылся за углом.

Лео стоял, держа в руке Жало. Дождь снова начал накрапывать. На пустой улице было тихо, только капли стучали по крышам и его плащу. Гнев утих, оставив после себя тяжесть в груди. «Я сделал это!» — мысль обожгла. «Бенн меня боялся!» «Теперь я сильнее.»

Но когда он вспомнил отпечаток от кончика Жала на руке Бенна, и тот животный страх в его глазах, в груди кольнуло что-то неприятное, знакомое. Страх униженного. Тот страх, что грыз его самого ещё недавно.

Лео сжал зубы. «Нет.» – подумал он резко, гася слабый росток стыда. «Он заслужил. Он смеялся. Он пнул. Если бы я не ударил первым, он бы снова...»

Он спрятал Жало под свой поношенный, длинный и широкий плащ и быстро зашагал прочь от этого места. Удовлетворение вернулось, сильнее, чем тот миг сомнения. Оно грело его изнутри. «Работает.» – думал он, и уголки его губ дрогнули. «Это работает.»

— Ещё немного Лукас, и ты превзойдешь меня, — сказал Аррос, заканчивая тренировку по стрельбе.

— Я стараюсь Мастер.

— Какие новости в городе?

— Обычные. Разбойники опять караван разграбили, немногим удалось живыми из леса выбраться. Торговцы в ужасе.

— В ужасе? — усомнился Аррос. — Разве это ещё можно считать новостью?

— Да... Это уже давно не новость... А... Вот! Тот мальчишка с прутиком, которого Вы видели, опять в историю попал. Сам уже напал. Надо бы поговорить с ним.

— Что? Уже по пути Виктора пошёл?

— Да кто же его знает. Бенн и сам любитель над слабыми поиздеваться. Может и по делу получил.

— Не будем торопиться, — он задумался. — Посмотрим.

Глава 3

Прошло несколько недель после случая с Бенном. Каждый вечер он приходил в сарай, брал в руки Жало. Прут орешника теперь был тщательно отшлифован, а рукоять обмотана плотнее. Теперь он обрабатывал не только свой коронный тычок. Он бил по воображаемым целям сбоку, снизу, пытался делать короткие подсечки ногами, обрабатывал быстрый отскок от стены, чтобы сменить позицию.

Слухи о "Теневой Тростинке" или просто "Теневом" поползли по задворкам района. Кто-то видел, как Бенн бежал, держась за руку. Кто-то слышал его сбивчивые объяснения. Страх – питательная среда для легенд. Лео чувствовал это. Взгляды на улице стали иными: не презрительными, а настороженными, быстро отводимыми в сторону. Шепотки за спиной больше не были смешками – они были полны недоумения и опаски. "Это он?" "Говорят, у него колдовство в руках..." Это льстило. Это грело холодным огнём где-то под рёбрами.

Цель была выбрана не из прошлых обид. Карло был просто удобен. Крепкий парень лет тринадцати, известный, как мелкий задира и воришка фруктов с рыночных лотков. Он ходил хвастливой походкой, и Лео решил, что сбить спесь с такого – идеальный способ укрепить свою репутацию. Место было публичным – пыльный пустырь за складами, где часто собиралась местная шпана.

Лео подошёл к Карло, который что-то жевал, разглядывая старую подкову.

– Эй, Карло, – голос Лео звучал громче, чем с Бенном, нарочито спокойно. – Говорят, ты вчера сливы у старика Гарри стащил?

Карло обернулся, удивлённый. Увидев Лео, фыркнул.

– А тебе какое дело, сопляк? Валяй отсюда, пока не влетело.

Вокруг уже собралось несколько зевак. Лео чувствовал их взгляды.

– Моё дело, – сказал Лео, шагнув ближе. – Отдай Гарри деньги. И извинись.

Карло расхохотался, но в смехе слышалась нотка раздражения.

– Да ты совсем рехнулся, Тенёк? Или Жало своё забыл дома? – он оглядел Лео, не видя оружия. Жало было засунуто за пояс под рубаху. – А ну пошёл...

Лео не стал ждать, пока его толкнут. Он сдвинулся влево, заставляя Карло развернуться, и одновременно выхватил Жало. Он сделал короткий, сильный удар снизу вверх концом Жала, целясь Карло под локоть. Тот не ожидал ни скорости, ни такого приёма. Удар пришёлся по нерву. Карло ахнул, рука с подковой дёрнулась и онемела. Подкова со звоном упала.

– Ага! – крикнул кто-то из зрителей.

Карло, покраснев от злости и боли, бросился вперед, размахивая здоровой рукой. Лео отскочил назад, спиной к стене склада. Он оттолкнулся от неё ногой, как обрабатывал в сарае, и, используя импульс, сделал низкую подсечку. Грубо, неловко, но Карло, споткнулся и рухнул на колени в пыль. Лео был на нём в миг, кончик Жала уперся Карло в основание шеи, чуть выше ключицы. Давление было несильным, но пугающим. Карло замер, задыхаясь. В его глазах был шок от боли и страха.

– Извинишься? – спросил Лео тихо, но так, чтобы слышали зрители. Его голос был ровным. Холодным.

Карло, сглотнув, кивнул, не в силах вымолвить слово.

Лео отступил на шаг, опустил Жало, но не спрятал.

– И заплатишь за сливы. Завтра. Я проверю.

Он повернулся и пошёл прочь, не оглядываясь. За спиной стояла тишина, прерываемая только тяжёлым дыханием Карло. Потом начался шепот, возбуждённый, полный новых подробностей для легенды о "Теневом". Лео слышал обрывки: "...видел? Как прыгнул!" "...Жало-то какое..." "...Карло, и тот сдрейфил..." Никто не смеялся над Карло. Смеялись бы над Лео, если

бы он проиграл. Но он выиграл. И страх в глазах Карло, и этот шепот. Они слились воедино внутри него. Лео слушал шепот за спиной и не мог понять, что с ним происходит. В груди было жарко. Он уже знал это чувство: так бывает, когда побеждаешь. Только раньше он не знал, что это может быть так сладко.

Он прошёл мимо пары младших мальчишек. Они прижались к стене, глаза казались огромными, полными того самого страха-восхищения. Один даже кивнул ему, быстро, подбостранно. Лео не ответил на кивок. Но внутри всё ликовало. «Они боятся! Они УВАЖАЮТ! Так и должно быть!» «Сила — вот что они понимают.»

Лео быстро подавил появившиеся сомнения. «Карло был задирой. Он заслужил. Я наводил порядок.»

В тени водостока на крыше сарая, куда он вернулся, сидел ворон. Чёрный, блестящий. Он каркнул раз, резко, и взлетел, обронив перо. Лео поднял его — чёрное, с синеватым отливом. Он воткнул перо в обмотку рукояти Жала. Посмотрел на Жало, потом на свои руки. В груди всё ещё было тепло. Он не знал, правильно это или нет. Но ему нравилось.

Глава 4

Аррос заканчивал занятие со своим учеником, когда в зал зашёл Дериан.

— Мастер Аррос, Лео устроил урок Карло, — сообщил Дериан. — Талант у него есть, бьет негодяев, почему Вы не хотите его взять к себе в "Кузницу"?

— Дериан, вспомни Виктора, — напомнил Мастер. — Он тоже был правильным. Стал сильным и свернул на кривую дорожку.

— Но не Вы же в этом виноваты, — возразил Дериан.

— Я! Я дал ему силу! Я не доглядел!

— Но Виктор исправился... После моего урока. Даже на славу Лео не замахивается.

— Именно, что на славу. А что с Лео сделает слава, если я дам ему силу?

— Будет мне хорошим помощником.

— Или новой проблемой... — вздохнул Аррос.

— Но почему? — удивился Дериан.

— В Лео злости больше, чем было в Викторе. А всем своим обидчикам он отомстил?

— Нет, всего двоим. Карло его не трогал.

— Вот в этом и дело, Дериан, — заметил Аррос. — Это уже не просто месть. Он выбрал публичную жертву ради славы.

— Возможно он решил наказывать всех негодяев, а там застать Карло проще всего.

— Так это или нет, но свою славу он получил. И перед тем, как его учить надо посмотреть, что она с ним сделает.

— Меня учили с пяти лет. Я же не стал плохим.

— Дериан, я учил Виктора. Учил хорошему. Строго. Следил. Но... — Аррос тяжело вздохнул. — Осталось только выгнать. Лео давно на улице. Опасно сейчас его учить.

— А если он свернёт на путь Виктора?

— Тогда преподашь ему урок. Пока у него в руке не рапира, это будет просто. Тогда и посмотрим, способен ли он вернуться.

— Хорошо, Мастер, я буду следить за слухами о нём.

Глава 5

Прошёл год. Лео изменился, стал увереннее. Слава "Теневого" служила ему защитой, а страх окружающих — поддержкой.

Лео перестал прятаться. Он открыто ходил по всему городу, Жало висело у него на поясе на грубой веревочной петле.

Больше ему нравились мелкие грязные переулки. Зеваки расступались. Шепот следовал за ним: "Тише, это Теневой..." "Видал перо? Говорят, ворон сам ему его дал..." Он ловил эти шёпоты и чувствовал, как его власть над этим грязным мирком крепнет. Там его знали. Его боялись. Им восхищались.

Ему больше не приходилось стоять в очереди за едой. Когда он приближался, каждый, к кому он подходил, делал шаг назад, пропуская его вперёд. Он был королём задворок.

Рубаха на нем была уже не штопаная. На раздаче поношенной одежды для бедных он тоже выбирал всё первым.

Но на широких, мощёных улицах, где толпился народ, его не замечали. Купцы в добротных камзолах, важные господа, даже приказчики из лавок — все смотрели сквозь него. Для них он был просто мальчишка.

Лео остановился у фонтана на рыночной площади, глядя на своё отражение в воде. Мимо сновали люди, и никто не оборачивался.

«Как они могут меня не знать?!» — мысль обожгла. «Я Теневой! Я сильнее любого здесь! Они обязаны меня уважать!»

На рынке торговка, у которой он когда-то попрошайничал, вдруг осеклась на полуслове и отвернулась, делая вид, что занята товаром. Лео прошёл мимо, и она не окликнула его.

В переулках тем временем что-то менялось. Страх остался — никто не решался бросить ему вызов. Но восхищения становилось меньше. Мальчишки, которые раньше провожали его восторженными взглядами, теперь просто отводили глаза. Они боялись — но не смотрели на него, как на героя.

Лео заметил это не сразу. Слишком сладок был вкус власти. Но однажды, проходя мимо того самого пустыря, где он победил Карло, он услышал смех. Компания подростков играла в кости и даже не обернулась, когда он прошёл мимо.

«Они забыли.» Лео остановился, чувствуя, как внутри закипает злость. «Им нужен новый урок.» «Я лучший!» «Я должен им доказать!»

Он вернулся в сарай и долго сидел в темноте, глядя на Жало. Воронье перо на рукояти казалось теперь не просто символом — оно напоминало, что победы нужно доказывать снова и снова.

Старые обидчики были сломлены. Карло теперь косился на него исподлобья и мямлил "привет". Нужен был новый вызов. Большой. Яркий. Публичный.

Наутро он вышел на рыночную площадь. Туда, где его не знали. Где он был просто мальчишкой.

У фонтана, как всегда, собиралась местная молодёжь — те, кто покрепче, постарше. Среди них выделялся один. Грей. Не задира, не вор. Просто большой, сильный парень, известный своей добродушной силой. Он помогал грузчикам таскать мешки, шутил с торговками, гнул подковы на спор. Его уважали все — и богатые, и бедные.

Лео остановился в тени, наблюдая. Грей смеялся, показывая друзьям, как легко сгибает железную полосу.

«Вот он.» Лео чувствовал, как внутри разгорается азарт. «Если я сломя его — меня узнают все. Даже те, кто меня не замечает.»

Глава 6

Лео лениво подошёл к ним. Сентябрьское солнце ещё хорошо пригревало, но на деревьях уже появились первые жёлтые листья. Ветер срывал их, бросая в воду. Лео смотрел, как они кружатся на ряби. Ровно год назад, в это же время, когда он победил Карло на пустыре, ему казалось, всё изменится. А сейчас он стоял у фонтана, и никто не оборачивался.

– Грей! – голос Лео прозвучал громко, намеренно вызывая смех, перекрывая смех.

Все обернулись. Грей нахмурился, увидев Лео с Жалом на поясе.

– Чего тебе, парень? – спросил он спокойно, но без дружелюбия.

– Слышал, ты сильный, – сказал Лео, делая шаг вперед. – Хочу проверить. На палках.

Смешки и недоуменные возгласы прокатились по кругу. Кто-то фыркнул: «Теневой, ты совсем спятил?»

Грей усмехнулся, отложив подкову.

– Палки? Парень, ты в своем уме? Это не игрушки. Иди отсюда, пока не...

– Боишься? – перебил Лео. Его голос звучал холодно и насмешливо. – Или слабак, который только подковы гнет для вида?

Стоявшие рядом сразу замолчали. Грей медленно выпрямился. Добродушие испарилось с его лица. Он кивнул на Жало.

– Ладно, выскочка. Раз так рвешься. Но только на этом? – он оглянулся, схватил длинную, прочную палку-подпорку от тента лотка. – И без правил. Раз уж ты начал.

Площадь превратилась в арену. Торговцы, зеваки, подростки – все столпились вокруг. Лео чувствовал сотни глаз. Это был его момент. Он выхватил Жало. Грей встал, держа свою дубину двумя руками, как алебарду.

Лео не стал ждать. Он атаковал первым, не яростным тычком, а серией быстрых, точных ударов по рукам Грея, заставляя того отступать. Жало свистело в воздухе. Лео двигался быстро, почти танцуя, используя свою легкость против грузной силы Грея. Он не пытался противостоять его дубине – он играл с ним. Уклонялся от медленных размашистых ударов с показной легкостью, иногда отступая с нарочитой легкостью, вызывая одобрительные возгласы части толпы, жаждущей зрелища. Он бил не для победы – для унижения.

Щелк! Кончик Жала больно хлестнул Грея по запястью. Тот вскрикнул, чуть не выронив дубину.

Тук! Удар рукоятью в ребро – несильный, но болезненный и оскорбительный.

Шлеп! Плоский удар плашмя по щеке, оставляя красную полосу.

– Ну же, силач! – крикнул Лео, отскакивая после очередного удара. – Где твоя мощь? В подковы ушла?

Грей пыхтел, лицо его пылало от злости и стыда. Он бросился в атаку, но его движения были тяжёлыми, предсказуемыми. Лео легко увернулся, подставил подножку. Грей тяжело рухнул на колени. Лео был рядом в миг. Он ткнул его кончиком Грея в грудь, прямо над сердцем, заставляя того откинуться назад, сесть в пыль и лужу у фонтана. Потом медленно, демонстративно, провел холодным кончиком Жала по щеке Грея, оставляя грязную полосу.

– Ну? – спросил Лео громко, так, чтобы слышала вся площадь. Его голос звенел от презрения. – Признаешь? Кто здесь слабак? Кто здесь пыль?

Грей сидел, сгорбившись, не в силах поднять взгляд. Его дубина валялась в стороне. Стыд и бессильная ярость трясли его большое тело. Он не произнес ни слова.

Реакция толпы была неоднозначной.

Одна часть зрителей – те, кто знал Грея, как добродушного силача или ненавидел жестокость – молчала или роптала. Их лица были хмурыми, полными отвращения и страха перед самим Лео.

Другая часть – те, кого задевала сила Грея, маргиналы, любители насилия – ревела от восторга. Они свистели, кричали: "Давай, Теневой!", "Вот это сила!"

Лео слышал только вторых. Их крики лились, как мед. Он видел, как парни его возраста смотрели на него с обожанием, один поднял сжатый кулак. «Вот они – мои подданные! Моё королевство!» Этого ему было достаточно. Он повернулся и пошёл прочь, не замечая хмурых взглядов. Лео не оборачивался. Крики восторга ещё звучали в ушах.

Вернувшись к своему сараю, он снял Жало, любясь чёрным пером. «Теперь все знают — я лучший!»

Глава 7

Вызов пришёл внезапно. Какой-то мальчишка подбежал к Лео на улице и, молча сунув в руку сложенный вчетверо небольшой клочок бумаги, бросился в переулок. Лео развернул послание. Читать и писать он научился, ещё когда была жива мать.

"Лео, именуящему себя Теневым.

Твои балаганские жестокости — плевок в лицо Искусству Клинка.

"Кузница" очистит свою репутацию.

Закат. Старые Литейные Цеха. Приди с оружием.

Не явишься — станешь посмешищем улиц.

Дериан."

Лео скомкал листок и сунул в карман. Рука сама потянулась к перу на рукояти — чёрному, блестящему. Он провёл по нему пальцем, потом сжал Жало. Ярость закипела в нём. «Очистит? Балаган?» Чёрное воронье перо на рукояти колело ладонь. «Я покажу им балаган!» Страх не было — лишь уверенность в своей силе.

Старые литейные цеха были мёртвым царством каменных гигантов. Воздух пах железной окалиной и тишиной. В центре заброшенного ангара, под световым колодцем, где пыль танцевала в отсветах заходящего солнца, стоял Дериан.

Он был невысок, почти хрупок на фоне каменных исполинов. На нём была простая серая тренировочная форма, безупречно чистая. Тёмные волосы были аккуратно зачёсаны.

В руке лежала тяжёлая тренировочная рапира из воронёной стали. Было заметно, что её сделали из настоящей. Острие тщательно закруглили, рёбра затупили. Сложная гарда, как кружево из металла, защищала кисть. Холодный металл отливал синевой. Дериан держал её с непринужденной легкостью мастера. Его стойка была расслабленной, словно он не ждал боя, а созерцал закат. Но когда Лео шагнул в круг света, Дериан повернул голову. Его глаза не выражали ни гнева, ни презрения.

— Опоздал на три минуты, — голос Дериана был спокойным. — Недисциплинированность — первый порок дикаря.

Лео не стал отвечать. Он выхватил Жало, воронье перо затрепетало на рукояти. Ярость, знакомая и привычная, толкнула его вперёд. Он шагнул, занося оружие для сокрушительного удара — того самого, что свалил Грея.

Дериан даже не сдвинулся с места.

Легким движением запястья он отвёл Жало в сторону. Кончик его рапиры метнулся вперёд. Тупое острие ткнуло Лео в грудь точно над сердцем. Боль была огненной, но кожи оно не пробilo — лишь оставило синяк под рубахой.

— Порок второй: грубая сила без такта, — произнёс Дериан, отступая на полшага, будто от грязной лужи. — Ты мечешься, как слепая моль в пыли.

Лео ахнул от ярости. «Пыль?! Он назвал меня пылью?! Они ещё узнают, кто здесь пыль!» Он атаковал снова — серией ударов, которые ломали рёбра на улицах. Дериан парировал их едва заметными движениями, будто отмахивался от назойливой мухи. Его рапира жила своей жизнью: она цепляла Жало, отвлекала, заводила в тупик. Каждые несколько секунд её тупой наконечник находил уязвимое место.

Удар в запястье — онемела рука. В коленную чашечку — Лео споткнулся. В плечо — жгучая боль пронзила мышцу.

— Порок третий: ярость, заменяющая ум, — Дериан отклонился от дикого удара Лео, позволив тому вложить всю силу в воздух. — Порок четвёртый: слепота к противнику. Ты бьёшь по призракам.

Лео задышался. Пот заливал глаза. Его Жало стало тяжёлым, почти неподъёмным, как будто налилось свинцом. А Дериан не уставал. Он двигался чётко, без суеты, его дыхание оставалось ровным. Он не атаковал — он ставил оценки. Каждое касание его рапиры было унижительной меткой: "Здесь ты слаб. Здесь глуп. Здесь — никто."

Последние капли гордыни взорвались в Лео. С хриплым криком он сделал отчаянный выпад, вкладывая в него всю ярость, весь страх, всю боль.

Дериан сделал один шаг вперёд. Его рапира метнулась вперёд.

Лео даже не понял, что случилось. Он увидел, как Жало вырывается из его руки и летит по дуге, сломанное пополам. Чёрное воронье перо отделилось и медленно запорхало вниз, к грязному полу. В следующее мгновение острая боль, как удар молота, пронзила рёбра — он, падая, ударился о выступающий угол, какой-то конструкции. Потом — вторая боль, в предплечье от точного тычка тупым острием. Он рухнул лицом в пыль, захлёбываясь горечью поражения.

Над ним встала тень. Дериан смотрел вниз. В его глазах не было триумфа. Только холодное, абсолютное безразличие.

— Пыль, — произнёс он тихо, но слово прозвучало громче любого крика. — Ты — пыль под ногами тех, кто истинно служит Клинку. Твоё "искусство" — грязь. Твоя сила — иллюзия глупца. — Кончик его рапиры коснулся затылка Лео — легонько, как удар хлыста. — Моё оружие не убило тебя сегодня. Но оно могло. Запомни этот урок. Исчезни.

Шаги Дериана затихли. Лео лежал, не в силах пошевелиться. Боль в теле была ничтожна по сравнению с болью в душе. Он слышал, как ветер гудит в разбитых окнах. Всё, что он строил полтора года, рассыпалось за несколько минут.

Рядом с его лицом лежало сломанное Жало. Чёрное воронье перо было втоптанно в грязь сапогом Дериана. Оно больше не было гербом. Оно было надгробием. Надгробием всему, во что Лео верил.

Глава 8

Физическая боль была ничто. Огненное кольцо под ребрами, где он ударился падая, синяки на спине, вывихнутое запястье — всё это тонуло в море стыда.

Лео сидел под настойчивым осенним дождём у задней стены своего сарая. Вокруг не было ни души. Только вода стучала по крышам, по камням, по его голове.

Он не прятался. Просто сидел, подставив лицо ледяным струям.

Рядом валялись обломки Жала. Два куса орешника, связанные когда-то его гордыней. Чёрное воронье перо исчезло — смыто дождём или унесено ветром. Оно было ему уже не нужно. Как и имя "Теневой".

Он был просто Лео. Сломанный. Пустой. Прах. Сколько он так просидел — час, два, вечность — он не знал.

«Ты — пыль под ногами...» Слова Дериана бились в голове. «Твоя сила — иллюзия глупца...»

Он сжал кулак. Боль пронзила запястье. «Иллюзия. Да. Всё было иллюзией. Мои "подданные"... Где они теперь? Грей? Карло? Я никому не нужен.» Шёпот теперь звучал иначе: "Слышал? Теневого размазали..." "Дериан его, как щенка..."

Дождь усиливался. Холод пробирал до костей. Лео не шевелился. «Зачем? Идти в сарай? Там темнота, запах плесени, мусор. Как и я сам.»

— Удобно? — раздался низкий, хриловатый голос над ним.

Лео медленно поднял голову.

Над ним стоял Мастер Аррос. Его длинный, поношенный плащ темнел от воды, но сам он стоял неподвижно. Правая рука держала длинный, узкий свёрток, завёрнутый в промасленную кожу. Старые, острые глаза смотрели на Лео без жалости. Без осуждения. Как на явление природы — дождь, грязь, разбитого мальчишку.

— Что? — хрипло выдавил Лео. Голос его был чужим.

— Удобно сидишь? В луже. Под дождём, — Аррос кивнул на лужу ржавой воды у ног Лео. — Если собираешься сдохнуть — место выбрал неплохое. Грязь смягчит падение.

Лео сглотнул ком в горле.

— Отстань.

— Отстать? — усмехнулся Аррос. — Легко. Но сначала ответь, за что ты сражался?

Лео уставился на него.

— Что?..

— За что? — повторил Аррос, и в его голосе впервые прозвучала сталь. — За честь? За правду? За защиту слабого? Или... — Он пнул сапогом обломок Жала. — За страх в глазах дураков? За восторг подонков?

— Я... я защищался...

— Врёшь! — Аррос отрезал резко. — Ты не защищался. Ты нападал. Как шакал, который рычит на всех, потому что боится сам. Ты взял в руки оружие не для чести. Ты взял его, чтобы убить свой страх — страхом других. И проиграл. Потому что страх — плохой учитель. Он научил тебя кусаться. Но не научил фехтовать.

Он сделал шаг вперёд, не обращая внимания на брызги грязи.

— Дериан прав. Ты — пыль. Но пыль — не приговор. Пыль — начало. Из праха землю лепят. Из праха растёт трава, — он наклонился, и его глаза оказались вровень с глазами Лео. В них не было сочувствия. Была проверка. — Вопрос в том, чем ты хочешь стать: грязью на сапогах прохожих... или глиной в руках гончара?

Он развернул промасленную кожу. Внутри лежала тяжёлая тренировочная рапира из чернёной стали, и большой пистолет.

— Клинок надо ковать, — сказал Аррос, выпрямляясь. — Долго. Больно. Кровью, потом и слезами. Не для страха. Для искусства. Для чести. Для того, чтобы однажды встать и сказать: «Я не пыль. Я — Дуэлянт».

Он бросил свёрток к ногам Лео. Рапира тускло блеснула в сером свете. Рядом с ней — пистолет. Лео уставился на оружие.

— Выбирай. Подними оружие — и следуй. Или сгнивай здесь в луже. Мне всё равно, — Аррос повернулся и пошёл прочь, не оглядываясь. Его плащ хлопал на ветру, как знамя.

Лео смотрел на оружие. Дождь стучал по стали. По его лицу. По обломкам Жала.

«Пыль... Глина... Дуэлянт...»

Он протянул дрожащую руку. Не к рапире. К обломку Жала. Поднял его. Вгляделся в сколы, в грязь, вьёвшуюся в древесину. Всё, что осталось от Теневого.

Он швырнул обломок Жала в грязный поток.

Потом уставился на рапиру. Холодная сталь. Чужое оружие. Чужой путь. «Глина... Честь... Дуэлянт...»

Слова Арроса звучали как насмешка. «Какая честь?» Он знал только страх и ярость. «Какое искусство?» Его "мастерство" разбилось вдребезги о сталь Дериана.

Он протянул руку — не к рапире, а к пистолету. Тяжёлый, неуклюжий, чуждый. Вот оно — оружие сильных. Один выстрел — и страх исчезнет. Один выстрел — и Дериан...

— Пистолет тоже надо ковать, мальчик, — раздался голос Арроса. Мастер стоял в десяти шагах, повернувшись к нему. Его глаза видели слишком много. — Им не стреляют в спину отчаяния. Им не убивают себя. Им защищают честь. Если она у тебя есть.

Лео отдернул руку, как от огня. Стыд сжёг щёки. Аррос прочитал его мысли. Прочитал и не остановил. Просто ждал.

«Выбирать... между трупом в луже и... чем?» Он не верил в честь. Не понимал искусства. Но он ненавидел эту лужу. Ненавидел вкус пыли на губах. Ненавидел память о глазах Дериана.

Он схватил рапиру.

— Я... я не знаю, как, — прошептал он, поднимаясь. Голос срывался. — Не знаю, зачем. Аррос кивнул, словно ждал именно этого.

— Знание придет. Сначала — действие. Иди.

Лео шагнул. Споткнулся. Упал на колени. Рапира выскользнула из рук, звонко ударившись о камень. Он замер, глядя на неё. Символ надежды — и он уже уронил его.

«Пыль... Я останусь пылью...»

— Подними, — сказал Аррос. — Падаешь семь раз — вставай восемь. Это и есть начало.

Лео вцепился пальцами в грязь. Потом — в рукоять. Поднялся. Рапира тянула руку вниз, как гирия. Он подобрал свёрток с пистолетом.

Лео не понимал, куда и зачем он идёт.

Но он шёл. Впереди, в серой пелене дождя, еле виднелся плащ Арроса. Лео шёл за ним, как слепой за поводырём.

Глава 9

Аррос остановился перед крепкими двустворчатыми воротами. Они были не заперты. Толкнув створку, он прошёл во двор. Лео, осторожно озираясь, вошёл следом.

Дождь не прекращался. Он моросил ровно, плотно, и двор встречал новичка совсем не радостно. Серое небо давило сверху, земля под ногами хлюпала, но не тонула. Перед воротами её посыпали песком и щебнем, вероятно, чтобы в подобную погоду могла въехать повозка. Дальше по ней были уложены узкие деревянные щиты, сбитые из толстых плах. Они вели от ворот в разные стороны, как тропы.

Он посмотрел направо, куда направился Аррос. Там, близко к высокому деревянному забору, темнел двухэтажный бревенчатый дом. Несколько окон выходили на эту сторону, но ни в одном не горел свет. Дом казался крепким, старым, но не чужим — таким, где живут, а не просто ночуют.

Оглянувшись налево, Лео увидел, напротив дома тренировочный зал. Длинное деревянное строение с рядом узких окон. Дверь находилась с дальней стороны — от ворот её не было видно, только угадывалось, что она там есть. Изнутри не доносилось ни звука.

Он посмотрел вглубь двора. Прямо по центру, виднелся склад. Каменное здание с покатою крышей, маленькими зарешёченными окнами и крепкой дубовой дверью. Даже с хорошим топором потребовалось бы несколько часов, чтобы вскрыть её. Рядом с ним, справа, примостился деревянный погреб, заметно ушедший в землю — его крыша почти сравнялась с уровнем двора. К низкой двери вели вниз деревянные ступеньки.

Лео застыл на месте, продолжая осматривать весьма немаленький двор.

Левее склада, почти на одной линии с ним, угадывалась кузница. Оттуда даже сквозь дождь тянуло гарью и железом — запах въелся в стены, в землю, в воздух вокруг. Ещё левее прилепился сарай для угля и дров, потемневший от времени и сырости.

Справа, в самой глубине, за домом и погребом, угадывалось стрельбище. Ряд мишеней еле виднелся сквозь дождевую пелену, а за ними темнел овраг — край двора, за которым начиналась пустошь.

Колодец стоял почти посередине, чуть смещённый вправо, ближе к дому. Рядом с ним — несколько деревянных скамеек, мокрых, пустых. На них никто не сидел в такую погоду.

Налево, за тренировочным залом, светлели пятнами площадки для фехтования. Они были посыпаны песком и мелкой щепой, чтобы вода уходила и ноги не скользили даже сразу после дождя. Рядом с ними, перед сараем, темнели деревянные фигуры — чучела для отработки ударов. Они стояли неподвижно, как стражи, мокрые, тёмные, безликие.

За забором, справа и слева, угадывались какие-то постройки. Невысокие, не то сараи, не то мастерские — чужие, не имеющие к этому двору отношения.

Лео стоял под дождём и смотрел. Ему предстояло жить здесь. Он ещё не знал, надолго ли, и что из этого выйдет. Но он не выбирал.

Аррос продолжал идти. Он уже подходил к дому, и его шаги по деревянным щитам звучали глухо, но твёрдо.

— Не стой, — бросил он через плечо. — Замёрзнешь.

Лео шагнул следом.

Глава 10

Лео стоял посреди двора, когда ледяная вода из ведра хлестнула его по лицу. Он вздрогнул — за две недели тело привыкло, но каждый раз этот миг всё равно выбивал дыхание.

Аррос опустил пустое ведро.

— Дышишь? Значит, не труп. Пять минут. Одевайся и во двор.

Лео провёл ладонью по лицу, смахивая воду. Он теперь жил в доме Арроса — маленькая комната с койкой и очагом, где было сухо и тепло. Но утро начиналось здесь, во дворе.

Лео быстро вернулся. Туман всё так же цеплялся за землю. Утренний холод обжигал кожу, но был уже не шоком. Боль в рёбрах прошла, а запястье, туго стянутое кожаным биндажом, почти не беспокоило.

— Стойка. Живая.

Аррос не поправлял его. Лео сам встал в позицию: ноги под углом, колени согнуты, расслаблены, спина прямая, но не одеревеневшая. Динамическое равновесие. Тренировочная рапира в правой руке. Тяжёлая, но знакомая. Левая рука — за спиной.

— Дыши волной. Колени — пружины. Пятки — не росли. Река в берегах, не статуя. Десять минут.

Солнце только начинало подниматься, косые лучи пробивались сквозь туман. Мышцы ног налились теплом, их уже не сводило. Лео ловил ритм: вдох — микро-сдвиг веса на носки, выдох — на пятки. «Река. Не статуя.»

Утро тянулось долго. Стойка. Шаги. Растяжка. Потом завтрак — густая овсянка с салом. Ели молча.

После завтрака Аррос дал ему мешок с песком и велел делать выпады — снова и снова, пока ноги не начинали дрожать.

Солнце поднялось выше, туман рассеялся, и двор залило светом. Лео щурился, но не останавливался.

Потом деревянный эспандер с липкой смолой — пальцы немели, запястье в биндаже ныло, но терпело. Лео сжимал его, разжимал, снова сжимал, пока Аррос не кивнул.

Небольшим отдыхом был обед — густая похлёбка с говядиной и корнеплодами.

После обеда небо вновь затянулось облаками, свет стал серее, тени от забора и построек размазались.

Лео снова отработывал выпады. Ещё и ещё. Потом "мельница" — руки с камнями ходили кругами, пока плечи не начинали гореть. Холод уже вовсе не чувствовался. Пот стекал по вискам, щипал глаза.

Вечером, когда он шёл к чучелу, двор уже тонул в сумерках. В окнах домов появился свет. Где-то за забором лаяла собака. Лео бил в него медленно, точно. Шаг — укол в сердце — возврат. Шаг — укол — возврат. Снова. Снова. Аррос стоял рядом, молчал, иногда поправлял одним словом: "Выше". "Ниже". "Не спеши".

После чучела — чистка рапиры. До блеска. Аррос говорил: "Оружие вкладывается в ножны чище, чем вынимается. Грязь на клинке — позор на душе". Лео не понимал, зачем полировать железку, которая всё равно завтра покроется потом. Но чистил.

Последние силы уходили на ужин — творог с зеленью, яйца.

После ужина Лео поднялся в свою комнату. В маленькое окно было видно, как темнеет небо, как гаснет свет за дальними постройками.

Он лёг на койку и закрыл глаза. За стеной тихо потрескивал очаг. Лео вспомнил утреннюю стойку, выпады, чучело, камешки. Завтра будет то же самое. И послезавтра. Эта мысль не пугала, но и не грела.

Прошло ещё немногим больше двух недель.

Вечером Лео стоял перед чучелом. Туман давно рассеялся, обнажив синяки на руках Лео — не от Дериана, те сошли, а от эспандера и жёсткой древесины рукояти.

Шаг вперёд — толчок задней ногой, скольжение, перенос веса. Укол — короткий тычок в сердце мишени. Возврат — плавный откат в стойку.

Не идеально. Правая нога встала шире, чем надо. Укол пришёлся не в центр, а в край плеча.

Но он не споткнулся. Рапира не дрогнула в забинтованном запястье. Дыхание было ровным.

Аррос бросил к его ногам пять камешков.

— Повтори. Ни одного не сбей.

Лео вдохнул. Сделал шаг между камней, скользя над ними. Укол. Возврат.

Один камешек отскочил в сторону.

— Четыре камня. Завтра контроль. Точность. — Аррос развернулся к кузнице. Но прежде чем уйти, ткнул пальцем в соломенное "плечо" — точку удара Лео. — Меньше дерьма в движении.

Глава 11

На третий месяц тренировок Аррос привёл Лео в зал.

— Это Элиас. Учится два года. Будет твоим зеркалом.

Лео уже видел этого мальчика. За завтраком, за обедом, за ужином — тот всегда сидел в стороне, ел быстро и молча. Иногда они встречались в коридоре, расходились, не глядя друг на друга. Лео не знал, кто он и сколько здесь тренируется. Ему было всё равно. После того, как Дериан разрушил его мечты, он и сам не знал, чего хочет. Делал ровно то, что говорил Аррос.

Лео наконец-то разглядел его. Элиас был немного выше Лео, худощав, с серьёзным, немного бледным, лицом. Ровный нос, тонкая линия губ, волосы, темные и гладкие, были аккуратно перевязаны лентой.

Взглянув на его безупречно чистую рубашку, Лео опустил взгляд на свою, заляпанную грязью во время тренировок во дворе, одежду.

Элиас встал в стойку. Его движения были экономными, точными, без суеты Лео.

В его осанке чувствовалась особенность, которой Лео раньше ни у кого не замечал. Элиас посмотрел на Лео. Взгляд был спокойным, но немного надменным.

Аррос как-то уже говорил про другого своего ученика, который всё делает почти с первого раза, и потому не мучается с тренировками с утра до ночи. Лео это не помогло — он работал так, как получалось. А получалось у него плохо и повторять упражнения приходилось очень-очень много раз.

И вот сегодня ему предстояло работать вместе с этим лучшим учеником.

— Упражнение три, — сказал Аррос, скрестив руки перед собой. — Атака: укол в грудь. Защита: отбив четвертым парадом. Ответ: укол в плечо. Половина скорости.

Элиас сделал выпад. Его рапира скользнула вперёд, как молния. Лео запоздало парировал. Эфесы глухо стукнулись. Его ответный укол промахнулся на ладонь выше плеча.

— Лео: Глаза на клинок, а не на глаза! Элиас: Плечо ниже! — Аррос не повышал голос. Каждое слово било точно в цель. — Повтор. Десять раз.

Лео зверел. Каждая ошибка Элиаса, а их было мало, казалась ему насмешкой. Каждый его успех — предательством Арроса. «Почему он лучше? Почему мастер смотрит на него?!»

На одиннадцатой попытке укол Элиаса прошёл под клинком Лео, едва коснувшись груди. Идеально.

— Хорошо, — кивнул Аррос Элиасу.

Этот кивок стал последней каплей. Ярость накрыла Лео с головой. Когда Элиас начал отход в стойку, Лео не сделал ответный укол. Он развернул рапиру плашмя и со всей силы ударил жесткой частью клинка по предплечью Элиаса.

Элиас отшатнулся, вскрикнув от неожиданности и боли.

Аррос шагнул между ними. Его лицо было каменным. Он смотрел только на Лео.

— Почему? — спросил он тише шепота.

Лео задыхался, сжимая эфес. Глаза горели.

— Он... он провоцировал... Я...

— Ты солгал, — перебил Аррос. Его голос резал воздух. — Ты ударил не по клинку. Ты ударил по человеку, доверившемуся правилам. Ты предал доверие Элиаса. Предал Кодекс. — Он повернулся к Элиасу. — Иди. Помажь ушиб.

Элиас, хватаясь за руку, ушёл. Аррос повернулся к Лео.

— Извинись перед ним. Искренне. Или уходи сейчас. Мне нужны дуэлянты, а не дикари с палками.

Лео стоял, чувствуя, как гнев сменяется пустотой. Потом стыдом. Он вспомнил боль в глазах Элиаса.

Он пошёл вслед за Элиасом.

Тот сидел на лавке, растирая предплечье. Увидев Лео, напрягся.

— Я... — голос его сломался. Он выпрямился, глядя в землю. — Я прошу прощения, Элиас.

Это не было искренне. Но это было осознанно. Лео не хотел получить ещё большее наказание.

Аррос молча взял рапиру Элиаса.

— Оружие чистят после боя. И после предательства — вдвойне. Иди.

Глава 12

Лео водил тряпкой вдоль клинка рапиры Элиаса. Холодная сталь тускло поблескивала, выдавая глубокую царапину на сильной части клинка, в пяти дюймах от гарды был след удара, повредившего клинок Элиаса. Грязь и старая полировальная паста въелись в его пальцы. "Чисть. Каждую царапину." — слова Арроса висели в воздухе.

Тень упала на клинок. Лео вздрогнул, не поднимая головы. Кто-то встал между ним и окном, перекрыв свет.

— Чистишь?

— Отвали, — буркнул Лео, не поднимая головы. — Не твое дело.

— Черт... она и правда поцарапана. Думал, байки трактирные, — Лукас наклонился, вглядываясь в повреждение.

Лео резко поднял голову. Перед ним стоял парень, выглядевший на год-два старше него — выше, костистый, в холщовой рубаше с закатанными рукавами. В руках он держал ножны, из которых торчала рукоять рапиры. Лицо у него было открытое, загорелое, глаза смотрели слишком внимательно.

«Знает железо», — мелькнуло у Лео. Когда Лукас улыбнулся, лицо его сразу стало проще, добрее.

— Слухи не врут. Дериан и вправду гнет рапиры, как гвозди.

— Дериан?.. — Губы Лео криво дрогнули. — Так это он... об меня её так испортил? — в голосе прозвучала странная смесь ненависти и горькой надежды.

Лукас усмехнулся.

— Да нет же, не об тебя, Лео-Тень! На Арросе отработывал, я ж говорю. — Он ткнул пальцем в царапину. — Прием, где рвешь защиту через клинок.

Лукас ткнул пальцем в банку с пастой.

— Твоя паста — дерьмо. Вот, попробуй эту, — он протянул маленькую баночку.

Лео машинально взял. Провел по царапине — пятно посветлело.

— И много тебе ещё чистить этого железа за свои грехи? — спросил парень, скрестив руки.

— До темноты, — буркнул Лео.

Лукас порылся в мешке, вытащил сверток, пахнувший жареным тестом и луком.

— На. Вид у тебя, как у дохлой селедки в трюме. Баланда Арроса тебя не спасет, — он сунул сверток Лео в руку и повернулся к двери. — Ладно, Лео-Тень, не подыхай тут. Увидимся.

— Лео, — поправил тот неожиданно. — Просто Лео, не называй меня Тенью. А ты кто?

Парень ухмыльнулся.

— Лукас. Сын Марко, с "Якорного трактира", — и скрылся за дверью.

Лео развернул свёрток. За окном солнце кренилось к крышам, снег на них блестел в его лучах. Тени стали длиннее, но до темноты оставался час. Теплый пирожок с мясом обжигал пальцы. Он откусил.

Взгляд упал на рапиру Элиаса. Царапина светлела, но работа была лишь наполовину сделана. "До темноты" — солгал он Лукасу. Аррос велел чистить "до зеркала".

«Не успеешь к ужину — останешься без сна. Не выспишься — завтра получишь двойную нагрузку», — звенело в голове.

Он сглотнул. «Ночная чистка при свечах? Голод? Завтрашняя усталость?»

Он откусил ещё.

Пирожок был горячим, жирным, и от него пахло жареным луком — как дома, когда мать ещё была жива.

Он посмотрел на дверь, за которой скрылся Лукас. Потом на пирожок в руке. «Увидится...» Он не знал, увидится ли. Не понял, почему Лукас так поступил. Взял тряпку и продолжил тереть сталь.

Глава 13

Прошла неделя с наказания Лео. Одиночные тренировки проходили легче. Не на кого было злиться, некому завидовать. Но каждая неудача всё равно жестоко его била.

И вот новый спарринг с Элиасом. «Опять будет наказание?» Аррос предупредил, что за повтор наказание будет куда суровее.

Задание было такое же, как в прошлый раз. Элиас выполнял всё легко, изящно, с привычным превосходством. У Лео всё получалось даже хуже прошлого спарринга. Напряжение делало движения резкими, угловатыми. Лео яростно концентрировался, но Элиас постоянно оказывался на полшага быстрее, его парирования были точны, контратаки неотразимы.

Лео уже чувствовал, как старая ярость поднимается, но теперь он действительно боялся наказания Арроса, следящего сбоку. Он стискивал зубы, пытаясь сдержаться, но каждый проигранный обмен был ударом по самолюбию. Последняя атака Элиаса – изящный укол в незащищенное плечо Лео, несильный, но унижительно точный. Аррос хмуро кивнул Элиасу: "Хорошо".

Тренировка закончилась. Лео стоял, тяжело дыша, с трудом удерживая рапиру в дрожащей руке. Он не нарушил правил, но его глаза были полны той же, старой злости, смешанной с новым отчаянием от невозможности выплеснуть её здесь и сейчас.

Резко отвернувшись от Элиаса и Арроса, он направился к дальнему углу зала, где стояли деревянные манекены для отработки ударов.

Подойдя к манекену, Лео сжал эфес рапиры — пальцы впились в рукоять так, будто хотели её раздавить. На секунду он замер, пытаясь взять себя в руки. Но, не справившись, обрушил на манекен удар за ударом, дикие, слепые, вкладывая в каждый всю злость. Рапира гнулась, дерево трещало, от манекена летели щепки, кончик рапиры вяз в податливой древесине. Он продолжал бить, пока рапира не застряла глубоко в расколотой грудной части манекена. С трудом выдернув её, он, тяжело дыша, остановился. Плечи ходили ходуном, пот стекал по вискам, трясущиеся руки едва держали оружие. Ярость чуть схлынула, оставив пустоту и стыд.

Лукас, который зашёл в зал, разыскивая Арроса, наблюдал последние минуты спарринга и последующий срыв. Он медленно подошёл к Лео, обходя осколки дерева. Его лицо выражало озабоченность и усталость. Он неодобрительно, но без презрения, покачал головой. Присел на корточки рядом, на безопасном расстоянии от дрожащего Лео, упираясь локтями в колени.

— Эй, Лео. Обрушил весь свой праведный гнев на бездушное полено... Сильно. Только вот манекен – для отработки фехтования, а не лесоповала. Хотя... — на его лице появилась слабая ухмылка – вид у тебя сейчас – хоть на соревнования дровосеков записывайся. Готов к сезону?

— Отвали, Лукас. Оставь меня... просто... оставь.

— Оставлю. Обязательно. Как только пойму, на кого ты там, внутри, так злишься? На щепки? На Элиаса, который там, всё делает точно и чётко? На Арроса, что не дает тебе его размазать? Или... — Лукас сделал паузу, его голос стал тише, но четче — ...на себя самого? За то, что не можешь его догнать вот прямо сейчас? Одним махом? Взять и стать лучше всех?

Лео сжал кулак на рукояти рапиры, но это была уже не ярость разрушения, а жест отчаяния.

— Что... что толку?! Он... он просто...

— Сильнее? Сейчас? Ну и что с того?

Лукас резко встал и протянул руку Лео, не чтобы помочь подняться, а чтобы привлечь внимание, заставить встретиться взглядом.

— Слушай, дубина ты этакая, ты же в курсе, куда на самом деле метит Элиас? Куда все, у кого мозги не опилками набиты, рвутся из этой школы?

— Куда?

Лукас посмотрел на него без насмешки. Взгляд был усталый и прямой.

— В Академию Чести.

Лео нахмурился.

— Академия... Чести? О чем ты?

— Академия Чести, — Лукас сделал паузу для весомости. — Куда отсюда все и смотрят. Кто поумнее — заранее. Кто поглупее — когда уже поздно, — его голос стал жестче. — Ты думаешь, Элиас тут ради того, чтобы выигрывать у тебя? — Лукас кивнул в сторону Арроса. — Нет. Он тренируется, как будто здесь временно. Как будто ему надо не сейчас быть первым, а потом — не потеряться. Это единственный путь для таких, как мы, вырваться из задворков типа этой "Кузницы" и стать... КЕМ-ТО.

— И... они берут... таких как... я?

— Берут перспективных, Лео! — он похлопал его по плечу, но уже без легкости, а с напором. — Не тех, кто сегодня первый, а завтра разнес снаряд в щепки! Там, — продолжил Лукас. — Никто не будет смотреть, сколько ты тут кому проиграл. Там будут смотреть, что ты делаешь, когда не получается. И вот тут ты сейчас сам себе враг.

Лео замер. Дыхание стало спокойнее. Дрожь в руках начала стихать.

Лукас едва заметно кивнул.

— Ладно. Думай. А я... пойду. Чучел на всех хватит, — поворачиваясь, чтобы уйти, он на секунду остановился. — И, Лео... чище бей. По дереву. Оно тоже не вечно.

Лукас ушёл. Лео остался один среди щепок.

Глава 14

За окнами зала вовсю светило солнце, на кустах у забора развернулись листочки, земля покрылась новой зеленой травкой. В тренировочном зале об этом напоминал только свет — теплый, почти летний, падающий на пыльный пол. Лео его не замечал.

Прошло три месяца с тех пор, как Лукас впервые сунул Лео в руку жареный пирожок и произнёс слово "Академия". Три месяца упорного, выматывающего труда под вечным взглядом Арроса и вечной тенью Элиаса.

Элиас всегда предпочитал зал уличной площадке, поэтому независимо ни от чего, спарринг с ним проходил под крышей.

Лео действительно стал немного лучше. Движения — четче, выпады — увереннее, парирования — не такие отчаянные. Он научился сдерживать ярость, ту самую, что рвалась наружу ударами по манекенам. Страх сурового наказания Арроса и смутное понимание, что крики и щепки — не путь в Академию Чести, сделали своё дело. Ярость усмирилась, заковалась в холодный железный ящик где-то внутри.

Но зависть не уменьшилась. Она выросла. Стала тихой, холодной, разъедающей змеей, обвившей сердце. Каждый успех Элиаса — отточенный выпад, одобрительный кивок Арроса, легкий смех в разговоре — был для Лео каплейяда. Эта зависть съедала его изнутри. Она краля концентрацию на тренировках — вместо отработки связки Лео ловил себя на том, что следил за Элиасом, сравнивал, ненавидел. Она отравляла редкие минуты отдыха — мысли о том, что его, Элиаса, возьмут в сияющую Академию, а Лео останется здесь, на задворках, чистить чужие рапиры или будет вышвырнут обратно в грязь, не давали уснуть. Цель — Академия — затмилась ненавистной фигурой "лучшего ученика". Лео уже не столько хотел попасть туда, сколько отчаянно хотел не дать попасть туда Элиасу или, на худой конец, быть признанным лучше него здесь и сейчас.

Спарринги с Элиасом стали чаще — Аррос видел в этом полезный контраст, стимул для Лео. Сегодняшний был типичным. Задание — отработать контратаку после ложного выпада. Элиас выполнил всё легко, изящно, с присущей ему уверенностью. Его ложный выпад был обманчив, парирование — точным, контратака — неотразимой стрелой. Лео старался. Движения его были техничнее, чем три месяца назад, но всё ещё резковаты, угловаты. Он яростно концентрировался, но Элиас неизменно оказывался на полшага быстрее, его рапира будто читала мысли Лео. Последний укол Элиаса — быстрый, точный, учебный — пришёлся Лео в предплечье. Не больно, но унижительно.

— Достаточно, — буркнул Аррос, кивнув Элиасу. — Чище ложный выпад, Лео. И держи защиту.

Элиас направился к выходу легко, будто не было этого боя. Лео остался стоять, тяжело дыша. Элиас уже выходил, даже не оглянувшись. Лео смотрел ему вслед, пока дверь не закрылась. Рапира дрожала в его потной руке. Холодная змея зависти сжалась в груди, выжимая воздух. Он не сорвался. Не нарушил правил. Но пустота и горечь после проигрыша были хуже ярости.

Он механически направился к своему привычному манекену в дальнем углу зала. Не для срыва. Просто чтобы что-то делать. Встал в стойку. Начал отрабатывать базовые уколы. Раз. Два. Три. Движения были правильными, но бездушными. Взгляд тусклый, устремленный сквозь деревянное туловище манекена — туда, где только что сиял Элиас. «Он лучше. Всегда лучше. Легче. Быстрее. Его возьмут. А я...»

— Эй, Тень. Совсем закис? — Лео вздрогнул, не отрываясь от мишени. Лукас стоял рядом, прислонившись к стене, только что отдав Арросу какой-то свёрток. Его обычная насмешливость была приглушена. В глазах стояла усталая озабоченность.

— Оставь, Лукас, – пробурчал Лео, продолжая тыкать рапирой. – Не до тебя.

— Знаю. До тебя не доходит, — Лукас оттолкнулся от стены, подошёл ближе. — Три месяца... а он всё в голове. Элиас, — Лео замер, рапира застыла на полпути к мишени. Лукас смотрел ему прямо в глаза. — Смотрел на вас сегодня. Ты... собраннее стал. Чище. Но глаза... в них всё та же отравка. Зависть. Она тебя жрёт заживо, Лео. Как ржавчина.

Гнев и боль кольнули Лео. Он резко опустил рапиру.

— Что я могу поделывать?! Он... он просто лучше! Всегда лучше! Легче! Быстрее! Аррос на него смотрит... а на меня – как на обузу! Академия... – голос Лео сорвался. – ...какая Академия?! Его возьмут! Его! А я... я тут останусь! Чистить его проклятые рапиры вечно! Или... или меня выгонят обратно... в грязь! — отчаяние, давно копившееся, хлынуло наружу.

Лукас не отступил. Спокойно, но с железной твердостью в голосе он продолжил.

— Вот ты сейчас главную глупость и сказал, — он сделал шаг вперед. — Ты думаешь об Академии? Нет. Ты думаешь об Элиасе в Академии. Это – разные вещи. Совсем.

— Какая разница?! Если меня не возьмут... – начал Лео, сжимая эфес.

— А если возьмут? Вместе с ним? — Лукас перебил его. Голос стал тише, но жёстче. — Представь. Ты будешь рядом с ним. Каждый день. Видеть, как он и там всё схватывает быстрее. Как к нему тянутся. Как его и там хвалят. Твоя зависть там взорвется так, что тебя вышвырнут к чертям в первую же неделю. Ты не готов не технически... ты не готов тут! — Лукас ткнул пальцем Лео в грудь, прямо туда, где сжималась холодная змея.

Лео отшатнулся, пораженный. Этой перспективы он не видел. Молчание повисло тяжёлым грузом.

Лукас вздохнул, его голос потерял жесткость, стал почти навязчивым.

— Слушай, дубина. Академия Чести – не приз за "быть лучше Элиаса в школе Арроса". Это – билет в другой мир. Мир, где Элиас... – Лукас пренебрежительно махнул рукой, – ...просто один из сотни таких же талантливых щенков. Твой враг – не он. Твой враг – вот эта червоточина, – он снова ткнул в грудь Лео. – Которая не дает тебе расти. Которая заставляет смотреть на него, а не на свою дорогу. Которая крадет твою силу на ненависть, а не на работу.

— Но... как? – голос Лео был надтреснутым, почти детским. – Как не смотреть? Как не сравнивать? Он... он мерило!

— Мерь себя. Вчерашним собой, — Лукас посмотрел на него с внезапной серьезностью. — Вот этот Лео, что три месяца назад чучела в щепки крушил – он смог бы сегодня так чисто парировать тот выпад Элиаса? В третьем обмене? Смог бы? Нет. Это – твой прогресс. Медленный? Да. Копеечный? Возможно. Но – твой. Идиот, Элиас тут ни при чем! Его путь – его путь. Твой – твой. Ты не догоняешь его. Ты строишь себя. Кирпичик за кирпичиком. Для Академии. А не для того, чтобы потешить самолюбие, обойдя его здесь. Зависть... она может быть топливом. Но только если ты жжешь её ради себя, а не чтобы ослепить его, — Лукас отступил на шаг, его взгляд стал отстраненным. — Перестань смотреть на него. Начни видеть свои шаги. Маленькие. Тупые. Неуклюжие. Но – вперед. Иначе... – он повернулся к выходу, – ...иначе Академия тебе и правда не светит. Ты проиграешь не Элиасу. Ты проиграешь самому себе. Здесь и сейчас. Думай.

Лукас ушёл, не оглядываясь. Лео остался один. Тишина зала оглушала. Только где-то капала вода — течь в крыше, которую Аррос всё никак не мог починить. Холодная змея в груди ещё была там, но что-то сместилось. Слова Лукаса, как лезвие, рассекли его привычные мысли. «Мерь себя вчерашним... Свой путь... Строишь себя... Приграешь самому себе...»

Глава 15

Последние два месяца были посвящены первой части одного ключевого приема. Не просто фехтование, а основа разоружения.

Аррос требовал не просто махать железкой, а чувствовать точку контакта. Главным приемом был захват — использование тяжелого основания своей рапиры, чтобы продавить тонкий конец клинка противника.

Особенно один элемент: быстрый уход в сторону от яростного выпада.

— Захвати его остриё своей сильной частью, прижми его клинок вниз и только тогда делай шаг, – говорил Мастер.

Суть была в связке: во время выпада соперника Лео должен был уйти с линии атаки и одновременно клинок врага своим, прижимая его вниз и в сторону. Это называлось переносом.

Лео отрабатывал это движение до изнеможения. Уход стал увереннее, отжим – стабильнее, хотя и не идеальным. Но сегодня же Аррос решил добавить к этому круговое разоружение.

Лео старался учиться новому. Но зависть, та холодная змея, не исчезла. Она лишь затаилась, свернувшись клубком под ребрами. И, как всегда, её пробуждение спровоцировал спарринг с Элиасом.

Аррос поставил задачу: отработать связку, включающую новый элемент – вращение для выбивания – после уже освоенного ухода. Элиас атаковал первым. Его выпад был стремителен и агрессивен, идеально подходя для контратаки. Лео сконцентрировался. Уход в сторону получился. Отжатие тоже. Но дальше, новый элемент. Лео попытался выполнить стремительное вращение клинка, чтобы выбить рапиру из руки соперника. Движение было угловатым, неуверенным. Элиас, почувствовав заминку и слабость в действии, легко парировал вращение и тут же контратаковал, легким, почти небрежным уколом в грудь Лео. Успех первых двух шагов был мгновенно перечеркнут провалом третьего.

– Уход – лучше. Парирование – терпимо, – бросил Аррос, не глядя. – Но вращение! Лео, это не мельница! Не машешь, а выбиваешь! Чувствуй клинок противника, его инерцию! Точка контакта! Ты его уже остановил – теперь убери угрозу! – голос мастера был ровен, но в нём читалось раздражение. Прогресс Лео в основах был, но новое давалось тяжело, а гложущая зависть, вспыхнувшая при виде легкости Элиаса, отнюдь не помогала концентрации.

Лео стиснул зубы. Унижение от проигрыша было привычным, но сегодня к нему примешивалась острая досада от провала с новым элементом. Он видел, как Аррос кивнул Элиасу, который уже демонстрировал связку на манекене – уход, отжим, и вращение, выполненное с неприятной для Лео плавностью и силой. «Сразу получилось... Легче. Быстрее. Лучше.» – зашипела змея в груди. Лео сглотнул ком горечи. Да, он боролся с ней. Не кидался в драку, не крушил манекены. Но она была здесь, крадущая радость от своего маленького прогресса в уходе и тычке, заставляющая сравнивать каждый его неуклюжий поворот клинка с отработанным движением Элиаса. Он не победил её. Он лишь сдерживал. До полной победы было ещё далеко.

Вечером Аррос велел Лео и Элиасу подойти к колодцу. Лукас, который как раз занёс припасы, присел на скамью рядом, скрестив руки. Сам мастер опустил на скамью напротив, положив рапиру на колени. Солнце уже клонилось к закату, тени от забора тянулись через весь двор, но воздух ещё хранил дневное тепло.

– Слушайте, – начал он без предисловий, его голос, обычно резкий, стал низким и на удивление усталым. – Клинок – инструмент. Но рука, что держит его, должна знать не только стойку и выпад. Она должна знать цену. Цену выбора. Особенно когда гнев кричит, а честь требует крови.

Он рассказал три истории.

Аррос тяжело вздохнул, его взгляд стал острым.

– Слушайте. Был ученик... назовем его Тал. Одаренный, трудолюбивый, но... вечно в тени другого, более яркого – назовем его Рен. Рену всё давалось легче. Его хвалили чаще. Тал копил зависть, как ржавчину. Они были партнерами по спаррингам, должны были доверять друг другу хоть немного.

Однажды на важном внутреннем турнире, где решалось, кто поедет на престижные соревнования, им выпало сражаться друг с другом. Бой был яростным, равным. В кульминационный момент, после сложного обмена, Рен... споткнулся. Не упал, но потерял равновесие на долю секунды, его гарда опустилась, открывая грудь. Миг уязвимости. Чистый шанс для Тала нанести учебный укол, обеспечить победу. Честь, дух школы, доверие партнера требовали именно этого – чистого, победоносного удара.

Но Тал увидел не победу. Он увидел Рена униженного. Зависть, годами копившаяся, прорвалась. Вместо точного укола в мишень, Тал намеренно опустил острие и с силой ударил Рена плашмя по лицу тренировочной рапирой. Рен отшатнулся не от боли, а от позора.

– Он... он споткнулся! – попытался оправдаться Тал потом, но его голос дрожал от стыда и осознания содеянного.

Аррос замолчал, его голос стал жёстче.

– Да, споткнулся. Случайно. В честном бою. Тал использовал этот миг не для победы по правилам, а для унижения. Он предал доверие, которое должно быть между учениками одной школы, даже соперниками. Он поставил свою злобную зависть выше духа фехтования, выше Чести самой школы. – Мастер резко стукнул эфесом о пол. – Его не изгнали плетьюми. Его изгнали молчанием. Мастера перестали с ним заниматься. Ученики отворачивались. Он стал призраком в стенах, которые когда-то были его домом. Он "победил" Рена в том бою? Технически – да. Но он проиграл всё. Честь, – прошипел Аррос, главным образом глядя прямо на Лео, – не в том, чтобы не споткнуться. Она в том, чтобы не бить лежащего по лицу, когда можешь помочь ему подняться или честно победить. Использовать чужую слабость для унижения – это не победа. Это трусость души. И за это платят одиночеством.

Лео слушал. История о Тале поразила его. Словно Аррос заглянул прямо ему в душу и вытащил наружу его самые темные, завистливые мысли, облёк их в плоть и кровь и показал к чему они ведут. Он почувствовал, как холодная змея зависти в его груди не просто шевельнулась – она сжалась в ледяной комок страха и стыда. Он видел себя на месте Тала. Видел Элиаса, споткнувшегося, уязвимого... и ту мимолетную, ядовитую радость от мысли "Вот он! Упал! Теперь все увидят!", которая иногда мелькала в самые чёрные мгновения. И мысль о том, что он мог бы... мог бы...

Он резко опустил глаза, сжимая кулаки так, что ногти впились в ладони. Он не был таким! Он бы не... не ударил по лицу! Но желание унижить, желание увидеть Элиаса побежденным и опозоренным – оно было. И Аррос только что показал ему, во что это желание может вылиться, и какую цену придется заплатить. Не изгнание плетьюми – изгнание молчанием. Стать призраком здесь, в этом единственном месте, где у него был шанс. Эта перспектива была страшнее любой ярости.

Вторая история была о мастере, могучем и гордом. Узнав о бесчинствах банды, терроризировавшей квартал, он пошёл один, движимый гневом и убеждением, что его чести и силы хватит, чтобы "восстановить справедливость". Он попал в засаду. Погиб, сраженный ударами сзади, не успев нанести ни одного значимого удара. Сила без осторожности, честь без союзников и тактики – слепота. Честь мертвого – пыль. Она не защитит слабых и не научит глупцов, кроме как не повторять их ошибок.

Лео слушал, машинально потирая запястье, куда пришёлся его удачный, но не завершённый тычок.

– А вот случай... из стен, подобных этим, – мастер бросил быстрый, тяжёлый взгляд на Элиаса и Лео. – Два ученика. Одаренные. Оба. Но... как огонь и вода. Ненавидели друг друга лютой ненавистью, готовы были сцепиться из-за взгляда. Один – отчаянный, лез напролом. Полез в драку с городской шпаной не по чину, да ещё и в одиночку. Загнали его в тупик, прижали к стене, клинки со всех сторон. Второй... проходил мимо. Видел. Мог уйти. Долг перед школой? Честь? Личная вражда? Выбор был – щелк! – мгновенным. – Аррос щелкнул пальцами. – Он врезался в толпу. Не из благородства. Из... долга перед знакомой стеной, перед знакомым камнем под ногами. Из того, что здесь его мир. Использовал прием, который мы как раз разбирали накануне – быстрое парирование двух атак с переходом в подсечку. Выбил пространство, вытащил того сорвиголову. Сам получил пару царапин – легких, но поучительных.

В зале повисла тишина. Аррос смотрел сквозь них, в прошлое. Лукас внимательно смотрел то на Лео, то на Элиаса.

– Потом... фанфар не было. Друзьями они не стали. Но вражда... остыла. Стала... терпимой. Позже, намного позже, они стали сильнейшим дуэтом в школе. Почему? – Мастер поднял руку, пальцы сплелись в крепкую решетку. – Потому что поняли: Кодекс, Школа – это сеть. Она держит. Она ловит падающих. Даже тех, кого терпеть не можешь. Даже себя самого, когда падаешь в грязь собственной глупости или злобы. Он спас его не из любви. Он спас часть сети, часть своего мира. И свою собственную честь – от позора, что стоял и смотрел, как гибнет свой, пусть и ненавистный.

Истории о самоуверенном мастере, пошедшем один против банды, и о двух враждующих учениках, где один спас другого – были мрачными и поучительными, но казались далекими после только что пережитого удара. Они касались чего-то большого и страшного (гибель мастера) или странного и неудобного (спасение врага), но не били так лично, не заставляли сжиматься внутренности от стыда и ужаса перед самим собой, как история о Тале и его зависти.

Лукас, прислонившись к стене, насторожился, его взгляд скользнул с побледневшего Лео на слегка нахмурившегося Элиаса.

Аррос встал, эфес его рапиры звонко уперся в пол.

– Урок не в том, чтобы полюбить врага. Урок в том, чтобы видеть дальше него. Видеть кодекс. И помнить: самый страшный удар часто наносишь себе сам, когда забываешь, ради чего вообще поднял клинок. Думайте.

Он ушёл, оставив троих под грузом его слов.

Глава 16

Лео ощущал сдержанное удовлетворение. Прогресс был. Движения стали четче, контроль над завистью – крепче, хотя змея под сердцем и не исчезла. Он учился работать сквозь неё. Тренировочная рапира висела у него на поясе, Аррос сказал идти с ней. Он и Лукас возвращались с грузом для Арроса: ящиком клинков и бочонком масла. Свернули в узкий проход между складами. Здесь пахло гнилой рыбой и сыростью, шаги гулко отдавались от стен.

– Ну что, Тень, – Лукас хлопнул его по плечу. – Сегодня твой контрудар? Видел, как Элиас вздрогнул?

Лео хмыкнул.

– Чище, да.

– Вот видишь! Не "почти", а – чище! – Лукас подбросил ящик.

Из тени ниши вышли двое подростков с огрубевшими лицами. В руках у каждого – тяжёлые, не струганные дубинки. Первый, потолще, блокировал путь.

– Эй, пацаны, – гаркнул он. – Оставляйте ящик и бочонок. Шустро. Не заставляйте дубасить.

Лукас мгновенно замер. Лео почувствовал, как внутри всё сжалось. Знакомая, грязная волна ярости – «Унижение! Грязь!» – ударила в виски. Пальцы сами сжались в кулаки, тело напряглось, чтобы броситься.

– Лео... – тихо, но железно произнес Лукас. – Стой.

Лео сделал глубокий вдох. Ярость схлынула. Он собрался. Медленно, с выверенным спокойствием поставил бочонок на землю позади себя, освобождая руки. Затем его правая рука плавным, отработанным движением легла на эфес тренировочной рапиры у пояса.

Он вынул рапиру, направил на парней и принял классическую фехтовальную стойку. Корпус развернут, левая рука отведена назад для баланса. Движение было безупречным, выверенным месяцами.

В полумраке тупое остриё и отсутствие заточки были незаметны, зато сталь тускло блеснула, а гарда выглядела внушительно.

Эффект был мгновенным.

– Проклятье... рапира... настоящая... – бледнея, пробормотал второй хулиган, тоньше и младше. Его глаза расширились от страха, застыв на рапире и стойке Лео. — Он сейчас проткнет! – он отшатнулся, бросил дубинку и рванул прочь из переулка без оглядки.

Первый, оставшись один, растерялся на секунду. Злость боролась со страхом. Он грозно помахал дубинкой в сторону Лео, но не решался сблизиться, чувствуя опасность, исходящую от этой безупречной стойки и холодного взгляда.

– Не пугай! Я те сейчас...

В этот момент за спиной Лео раздался оглушительный хлопок, похожий на выстрел, и яркая вспышка осветила переулок. Клубы едкого белого дыма окутали Лукаса.

Он стоял чуть сзади, держа в руке тлеющие остатки примитивной "шумовой бомбы". Его лицо было искажено грозной гримасой.

– Караул! Всем сюда! Грабят! – проревел он не своим голосом.

Это переполнило чашу. Оставшийся хулиган в ужасе посмотрел на невозмутимого Лео с рапирой, на дымящегося "колдуна" Лукаса, услышал крики о карауле. Животный страх победил.

– Черт! – выкрикнул он, швыряя дубинку. – Валим! – и кинулся бежать вслед за товарищем.

Осталась только тишина, запах серы да пыль, поднятая беглецами. Лео стоял, не двигаясь, слушая, как затихают шаги вдалеке. Потом медленно вернул рапиру в ножны и вышел из стойки, убрав руку с эфеса.

Лукас раздавил ногой тлеющие остатки.

– Ну вот, – сказал он, поднимая бочонок. Голос его снова был обычным, с легкой усмешкой. – Так-то лучше, – он поднял брошенную дубинку и швырнул её в сторону. – Видел, как тот мелочь смылся? Подумал, что ты граф какой с острым железкой. А мой "фейерверк" и крик добились толстяка. Главное – не дать им понять, что это всё не настоящее. Работает только пока боятся. Идем.

Лео кивнул, поднимая ящик. Молча. Они пошли дальше по переулку.

Глава 17

Сентябрь подходил к концу. Лео возвращался с утренней тренировки и, услышав шум, завернул к кузнице. «Аррос остался с Элиасом. Кто же в кузнице?» Подумал он.

Внутри было жарко и дымно. Лукас сидел на перевёрнутом ящике, перед ним на наковальне лежал разобранный пистолет. Он крутил в руках какую-то мелкую железку, хмурился, пробовал вставить — не лезло.

— Лукас! — Лео остановился в дверях. — А ты что здесь делаешь?

— Да вот, — Лукас чертыхнулся, бросил её на наковальню. — Починить хотел. Поводок там разболтался, я его подогнать пробовал, — он кивнул на лежащие перед ним детали. — Теперь вообще не соберёшь.

— Так ты кузнец?

— Какой там кузнец. Аррос да, кузнец. Всё сделать может. А я так, учусь понемногу.

Лео присел на корточки у входа, глядя, как Лукас вертит в руках другую часть пистолета.

— Значит, как я учишься? — вздохнул он. — Тренируюсь, тренируюсь, а Элиас, как был лучше, так и есть.

— Ну, не совсем, — Лукас отложил её. — Пистолеты чинить Аррос не учит. Он и сам не починит. Нет у нас теперь таких мастеров.

— Как это нет? А кто же тогда пистолеты делает?

— Да никто. Этот давно сделали, когда ещё мастера были. До войны.

Лео нахмурился.

— Войны? Какой войны? Что с ними случилось?

— Нас с тобой тогда ещё не было. Король, не Валерий, отец его ещё, ту войну проиграл и всех мастеров победителю отдал. Теперь у нас ни монет не чеканят, ни пушек не льют, ни мушкетов, ни пистолетов не делают.

— И где же они теперь?

— В соседнем королевстве, — Лукас усмехнулся, но усмешка вышла кривой. — Не они сами — дети или внуки. Ездил я туда как-то с отцом. Мало помню, мелкий был. Он тогда товары возил. Только бросил — через Чёрный лес опасно.

Лео помолчал, перебарывая. Провёл пальцем по пыльной наковальне, стёр серую полосу.

— И ты хочешь стать таким кузнецом, как раньше были?

— Да нет, — Лукас покрутил в руках колёсико от замка. — Я же тебе про Академию говорил? Туда все метят.

— Так ты же не готовишься!

— Готовлюсь. Аррос ещё год назад сказал, что дальше учить нечему. Так, изредка проверяет, чтоб не забыл.

— Ты фехтуешь ещё лучше Элиаса?! — Лео подскочил, схватив Лукаса за рукав. — И молчал?!

— Да не фехтую я. — недовольно произнёс Лукас. — По стрельбе поступать буду.

Лео посмотрел на него с новым интересом. Лукас пожал плечами, отвёл взгляд.

— Если ты уже готов, почему же здесь сидишь? Пистолет чинишь? — Лео замолчал, потом нахмурился. — А как же я поступать буду? У меня рапиры нет.

Лукас пожал плечами.

— На экзамене дадут, — успокоил его Лукас. — Своё тащить не надо. Только возраст подождать — с шестнадцати пускают. Мне через два года. А то бы через две недели топал туда.

— С шестнадцати? — Лео замер. — Мне сегодня тринадцать бы исполнилось... Значит через три года.

Лукас поднял голову, посмотрел на него.

— Сегодня? И молчал? Отметили бы!

— Как отмечать? — Лео отвернулся к двери. — Мать была жива, отмечал...

— Пойдём со мной, отметим! Отец не против будет.

— Мне тренироваться надо, — Лео помял рукав. — Может, я и лучше вчерашнего... но Элиас... — он махнул рукой. — Лучше я пойду.

Он вышел из кузницы. Солнце уже поднялось выше, двор был залит светом. Из жилого дома тянуло дымком — там топили печь к обеду.

Лукас остался стоять, глядя на разобранный пистолет. Помял в пальцах сломанную деталь, вздохнул и сунул её в карман.

Глава 18

Солнце клонилось к западу. Лео сидел на опрокинутом ящике для снаряжения, спиной к залу. Он не смотрел на свои руки – он смотрел сквозь каменную кладку, куда-то в прошлое. Лукас подошёл, швырнув потную повязку в корзину. Он прислонился к стене, скрестив руки, изучая профиль друга. Не ярость, не отчаяние – тяжёлая, серая усталость.

– Опять тень на сердце? — спросил Лукас без предисловий. – Элиас? Или старый призрак шевелится?

Лео вздохнул, не поворачивая головы.

— И то, и другое. Он... там, — его ответ звучал глухо и устало. — Легкий. Точно знает, куда клинок ляжет. Как будто родился с ним. А я... — он сжал кулак, но не в гневе, а в бессилии, — ...я всё ещё считаю. Шаг. Выпад. Парирование. Как будто тащу на себе весь этот проклятый зал. А он летает. И Дериан... — имя прозвучало как давно знакомый горький привкус, — Дериан летал выше. А я... "Тень". — Он горько усмехнулся.

– Какая ирония. Тень собственной прошлой глупости. Тень, которая не дает солнцу нового дня пробиться. Эта слава... она теперь, как ржавые цепи. И зависть... не пылает, а тлеет. Тошнотворно, — Лукас помолчал, глядя на последние лучи солнца, цеплявшиеся за конек крыши. – Цепи? Тень? — Он оттолкнулся от стены, подошёл ближе. Теперь он говорил тихо и неожиданно серьезно. – Такними их, дубина. Окончательно. Выбрось на свалку.

Лео наконец посмотрел на него, в глазах был вопрос и усталое неверие.

– Как? Сжечь память?

– Память не сожжешь. Но место ей указать можно, — Лукас ткнул пальцем в сторону мрачных очертания старых литейных цехов. – Там, на тех развалинах. Где тебя "Теневым" убили. Где Дериан вбил тебя в грязь. Ты таскаешь эту мертвую шкуру с собой, вот она и душит. Сходи туда. На закате. В тот самый час. Сядь на эти прокопченные камни. Посмотри на место, где кончился "Теневой". Вспомни. Прочувствуй эту грязь, этот позор, эту боль – в последний раз. И скажи этому призраку, этой тени: "Всё. Кончено. Ты умер здесь год назад. Я больше не твой пленник. Моя дуэль с тобой – закончена. Поражение принято. Урок выучен. Теперь – вперед." – Лукас наклонился, его взгляд был жестким, как клинок Арроса. – Ты здесь – Лео. Ученик Арроса. Тот, кого старик видит смысл учить. Не призрак старой славы. Так стань Лео. Полностью. Иначе зачем ты здесь? Чтобы кормить тень прошлого? — Он выпрямился, отряхнул руки. Никакой жалости, только практичный, грубый толчок к действию. – Думай. А лучше — сделай. Пока солнце не село. — Лукас развернулся и ушёл в зал, оставив Лео одного.

Солнце уже касалось верхушек дальних зданий, бросая длинные, искаженные тени через зал. Лео уже думал о цехах, боясь опоздать, но сегодня с утра Аррос куда-то уходил, и совместная тренировка была перенесена на вечер.

Лео и Элиас стояли друг напротив друга. Аррос дал задание: сложная связка с контратакой после серии финтов. Элиас, как всегда, выглядел собранным и легким.

Лео поднял рапиру. Слова Лукаса горели в его мозгу, как раскаленные угли: «Скажи призраку: Всё. Кончено... Стань Лео. Полностью.» Но не было никакого чудесного облегчения. Не исчезла тяжёлая глыба в груди. Не испарилась горькая зависть к легкости Элиаса. Не утихла глухая ненависть к Дериану, чей образ встал за спиной Элиаса, как насмешка. Была только усталая решимость сделать то, что сказал Лукас. «Иди туда. На закате. Пережить это. Потому что иначе – сдохнешь здесь, под грузом прошлого.»

Элиас начал. Его финты были стремительны и обманчивы, контратака – вылилась из движения с привычной для Лео непринужденностью. Лео встретил выпад. Движения его были техничными, точными – вымуштрованная механика Арроса. Парирование. Уход. Ответный

финт. Он видел пропасть между его напряженным усилием и естественной грацией Элиаса. Видел призрак Дериана, который двигался бы ещё изящнее. Боль, зависть, ненависть – всё это было. Но сейчас оно было, как шум за закрытой дверью. Он не позволял этому парализовать мышцы, сбить с ритма задания. Он заставлял тело работать. Шаг. Выпад. Парирование. Не "летать", а шагать по краю пропасти, не глядя вниз. Пот заливал глаза, едкой солью разъедавая веки, легкие горели от рваных вдохов.

Аррос наблюдал. Его острый взгляд видел техническую чистоту Лео, но видел и каменную концентрацию, отсутствие обычной горечи, замененной на усталое, но несгибаемое упорство. Лео не отвлекался. Он дрался сквозь внутреннюю бурю, а не с ней.

– Достаточно, – скомандовал Аррос, когда связка была повторена несколько раз. Его голос прервал напряженную тишину зала. – Чисто. Оба. Элиас – живее финты. Лео – упорство. Слово "упорство" от Арроса прозвучало почти, как похвала — по крайней мере, не замечание.

Лео опустил рапиру. Голова гудела, руки дрожали от напряжения, грудь вздымалась. Он смахнул пот со лба тыльной стороной руки. В глазах не было просветления или спокойствия. Была глубокая, вымотанная пустота. И осознание времени. Он взглянул в высокое окно зала. Солнце висело над горизонтом кровавым шаром. Времени почти не осталось.

– Лукас... — хрипло бросил он, уже направляясь к выходу, – ...спасибо. Я иду.

Его голос был лишен эмоций. Это был голос человека, идущего на тяжёлую, но необходимую работу.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.